

The book cover features a man in a dark suit and tie in the center, flanked by two women in black dresses. The background is a dark, moody cityscape at night. The title is written in large, stylized letters, with the first part in yellow and the second in red.

ОХОТА
на свингеров

Женя Черняк

Женя Черняк

Охота на свингеров

<https://litres.ru/74238137>

Аннотация

Она мечтала о настоящем и устроилась в Министерство морального развития. Теперь она агент отряда по противодействию антиморальных ценностей. Он стал её первой целью — владелец ресторанов, интеллектуал и, по данным отдела, организатор разврата.

Анна должна была втереться к нему в доверие, собрать компромат и разрушить его жизнь. Но как уничтожить человека, который смотрит на тебя так, будто видит душу? Как не запутаться, когда враг оказывается ближе всех, а собственные чувства становятся самым страшным преступлением?

Жанр каждый выберет для себя сам: сатира, драма, комедия, трагикомедия, просто горячее чтиво. Приятного чтения, дорогие мои...

Содержание

Глава 1. Собеседование	4
Глава 2. Бар "Кукуруза"	14
Глава 3. Отчёт и сомнения	23
Глава 4. Загородный дом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Собеседование

Бизнес-центр «Невская Перспектива» на проспекте Ветеранов напоминал памятник эпохе противоречий. Стекло-бетонные фасады, за которыми угадывались дорогие переговорные, соседствовали с облупившейся штукатуркой цоколя. Видимо, денег хватило на проект, но не на содержание. В холле первого этажа, рядом с кофейным автоматом за три тысячи евро, сиротливо стояла железная бадья с песком — наследие советской пожарной безопасности, которое так и не решились убрать. Символично, чёрт возьми.

Аня толкнула тяжёлую стеклянную дверь и шагнула внутрь. Кондиционеры гудели на пределе, пытаясь победить питерскую духоту. Пахло дорогим пластиком, кофе и тем неуловимым запахом казённости, который не выветривается даже из самых модных офисов.

— Вы к кому? — охранник, мужик лет пятидесяти с лицом человека, повидавшего всё, включая, кажется, распад Советского Союза и расцвет частного бизнеса, оторвался от телефона.

— В ММР. На двенадцатый. Собеседование.

Он хмыкнул, глянул в планшет, нашёл фамилию, махнул рукой в сторону лифтов.

— Второй лифт, не первый. Первый только для своих. Удачи. Там, говорят, строго.

— А вы откуда знаете? — не удержалась Аня.

— Так все, кто туда идёт, сначала такие бодрые, — он усмехнулся, обнажив желтоватые зубы. — А потом спускаются, а глаза пустые. Как будто их там... ну, сами понимаете.

— Не понимаю, — честно сказала Аня.

— Поймёте, — пообещал охранник и уткнулся обратно в телефон.

Лифт поднимался медленно, с натужным гудением, будто тоже сомневался, стоит ли везти её на этот двенадцатый этаж. Аня смотрела на своё отражение в зеркальной двери и пыталась унять дрожь в коленях.

«Спокойно, — сказала она себе. — Ты этого хотела. Ты сама сюда пришла».

Она действительно этого хотела. Два года в издательстве, где главным критерием качества было «продаётся или нет». Бесконечные любовные романы про «невинных девушек и миллиардеров-тиранов», детективы про маньяков, которые писались по шаблону «жертва — подозреваемый — убийца — бабах». Она правила чужие тексты, делала их удобоваримыми, вылизывала стиль, но внутри у неё разрасталась пустота.

«Ты филолог, — говорила мама. — Куда ты пойдёшь? Только в училки или в редакторы».

Аня не хотела в училки. Она хотела настоящего. Не придуманных страстей, не картонных злодеев, а живую жизнь, где добро и зло перемешаны так, что не разобрать. Где нуж-

но рисковать, выбирать, ошибаться.

Когда она увидела объявление о наборе в Министерство Морального Развития, первая мысль была: «Прикольнo, можно будет писать диссертацию по абсурду». Вторая: «А почему бы и нет?»

Она изучила всё, что смогла найти. ММР создали два года назад, и за это время оно успело отметиться громкими скандалами: закупка двадцати трёхтомников «История нравственности» за полтора миллиона (книги так и остались нераспечатанными), попытка запретить купальники-бикини в городских бассейнах (не прошло), громкая отставка замминистра, которого поймали с массажистками в сауне.

«Министерство скреп», как его окрестили в народе, жило своей жизнью, странной, противоречивой, но абсолютно живой. Аня чувствовала, что здесь, среди этого абсурда, она найдёт то, что искала. Не героев, а живых людей. Не идеи, а их столкновение.

Двенадцатый этаж встретил её гулом кондиционеров и запахом свежего ремонта. Краска на стенах ещё не выветрилась, пахло химией и бюджетными деньгами. Табличка на двери гласила: «Отдел по борьбе с организованной безнравственностью. Вход по пропускам».

Аня толкнула дверь.

В приёмной за столом сидела женщина лет сорока пяти, с идеальным маникюром и взглядом, который говорил: «Я видела тут всякое, и тебя, милочка, тоже раскусила за секун-

ду». Она окинула Аню быстрым профессиональным взглядом — одежда, обувь, сумка, причёска, наличие/отсутствие кольца — и вынесла вердикт:

— Иванова? К полковнику? Проходите, вторая дверь на-
лево. Ждёт.

Кабинет Крепкова оказался неожиданно скромным. Никаких портретов начальников в золочёных рамах, никаких схем с пометками «враги народа». Обычный рабочий кабинет: стол, компьютер, стул для посетителей, шкаф с папками, на стене висела карта города с разноцветными кнопками. Единственным намёком на специфику была стопка книг на подоконнике: «Психология девиантного поведения», «Семьеведение в вопросах и ответах» и, почему-то, «Камасутра. XXI век» в яркой обложке.

— Присаживайтесь, — сказал мужчина за столом, не поднимая глаз.

Аня села, положила сумку на колени.

Полковник Крепков оказался моложе, чем она ожидала. Лет сорок пять — сорок восемь, короткая стрижка с проседью, дорогой костюм без галстука, усталые глаза. Он читал её анкету, изредка поглядывая на экран ноутбука. Обычный мужик средних лет, который мог бы работать в любой конторе — продавать запчасти, страховать недвижимость, руководить отделом продаж. Только взгляд какой-то цепкий, тяжёлый, рентгеновский, что ли?

— Анна Сергеевна Иванова, — наконец произнёс он, от-

кладывая бумаги. — Двадцать пять лет. Филолог, СПбГУ, красный диплом. Работали в издательстве «Северная Пальмира», потом в «ЛитРес», потом... — он поднял глаза, — уволились по собственному. Почему?

— Выгорание, — ответила Аня, стараясь говорить ровно. — Тексты. Однотипные, коммерческие. Любовные романы, детективы про маньяков. Я перестала понимать, зачем я это делаю. Хотелось настоящего.

Крепков хмыкнул.

— Настоящего? — переспросил он. — И вы решили, что настоящее — это здесь? В министерстве, которое народ называет «скрепками» и «министерством ханжей»?

— Народ много чего называет, — Аня пожала плечами. — Я не ориентируюсь на анекдоты.

— А на что ориентируетесь?

— На себя, на своё собственное мировоззрение, на идеалы, — ответила она. — Я хочу понимать, что моя работа имеет смысл. Не просто деньги зарабатывать, а... влиять. На что-то важное.

Крепков усмехнулся. Усмешка вышла кривой, почти болезненной.

— Важное, значит. — Он встал, подошёл к окну, за которым виднелись серые питерские крыши. — Знаете, Аня, на Сергеевна, я ведь тоже когда-то пришёл сюда за «важным». Тридцать лет в органах, оперативная работа, раскрытые дела. Думал, буду защищать нравственность, традици-

онные ценности. А оказалось...

Он замолчал, будто поймал себя на том, что говорит лишнее.

— Что оказалось? — осторожно спросила Аня.

— Оказалось, что бюрократия везде одинаковая, — закончил он сухо. — Отчёты, планы, согласования, КРІ. — Он повернулся к ней. — Вы знаете, что такое КРІ в нашей работе?

— Догадываюсь.

— Количество выявленных нарушений. Количество составленных протоколов. Количество закрытых организаций. — Он усмехнулся. — Не важно, что за ними скрываются реальные люди. Важно лишь цифры.

Аня молчала, переваривая. Она не ожидала такой откровенности от полковника.

— Почему не замужем? У нас это не приветствуется.

— Да как-то не встретила пока ещё того самого, — потупилась Аня, не понимая, как следует «правильно» отвечать на подобные вопросы.

— Может, с вами что-то не так? Какие-то особые требования к... к вашим избранникам, которые не всем по нраву?

— Особых требований нет. Просто не время ещё, наверное.

— Ладно, не суть. Не подумайте только, я вас не пугаю, Анна Сергеевна. Я вас предупреждаю. Работа у нас грязная. Не в смысле «в грязи пачкаться», а в смысле — душу изма-

жешь. И не отмоешься.

— Я не боюсь грязной работы, — твёрдо сказала Аня.

— А зря, — ответил Крепков и вернулся за стол. — Ладно. Давайте проверим, насколько вы готовы.

Он открыл ящик стола, достал пульт и нажал кнопку. В углу кабинета зажужжал проектор, на стену спроецировалась фотография — группа людей в банном халате, сидящих в сауне.

— Что вы видите? — спросил Крепков.

— Людей в сауне, — ответила Аня, не понимая в чём подвох.

— А если я скажу, что это — организованное преступное сообщество?

Аня посмотрела внимательнее. Обычные люди, средний возраст, расслабленные лица. Кто-то держит пиво, кто-то разговаривает по телефону.

— Не похоже на преступников, — честно сказала она.

— Именно, — кивнул Крепков. — Потому что современное зло не носит рогов и копыт. Оно носит халаты, пьёт пиво и обсуждает, как провели выходные. — Он переключил слайд. — А это?

На следующем снимке была та же группа, но в другом ракурсе. Теперь стало видно, что халаты расстёгнуты, а люди сидят парами, и пары эти — перемешаны.

— Это свингеры, — сказал Крепков. — Меняются партнёрами. Сознательно, организованно, систематически. Никого

не насилуют, никого не принуждают. Взрослые люди, добровольный выбор. По закону — не преступление.

Он выключил проектор. Аня выдохнула.

— Но для нас — это цель. Потому что такие сообщества разлагают общество изнутри. Они создают альтернативную мораль, где нет места традиционным ценностям. Где семья — это не союз мужчины и женщины, а... — он поморщился, — временное соглашение для удобства.

Аня слушала и чувствовала, как внутри поднимается волна противоречий.

«Он прав? — думала она. — Действительно ли это зло? Или просто... другая жизнь, которую они не понимают?»

— Я должна буду внедриться? — спросила она.

— Да, — Крепков достал из стола папку. — Вот объект. Виктор Александрович Морозов, сорок восемь лет, бизнесмен, владелец сети ресторанов. По нашим данным — один из организаторов свингерского сообщества в городе.

Аня взяла папку, открыла. На фотографии симпатичный мужчина с умными глазами и лёгкой сединой на висках. Ухоженный, дорогой, явно успешный.

— Вы должны с ним познакомиться. Втереться в доверие. Стать частью их тусовки. Собрать информацию — кто, где, когда, какие связи. И передавать нам.

— А дальше?

— А дальше уже мы решим, что с этим делать. Закрывать клуб, привлечь организаторов к ответственности, разрушить

сообщество.

Аня смотрела на фотографию и думала: «Этот человек — враг? Он делает что-то плохое? Или просто живёт так, как хочет?»

— Можно вопрос, товарищ полковник?

— Валяйте.

— Вы сами верите в то, что делаете? Что это действительно важно?

Крепков посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Анна Сергеевна, я верю в порядок. Я верю, что если не будет правил, то непременно будет хаос. А хаос разрушает всё, понимаете? Всё: семьи, города, страны. Эти люди, — он кивнул на папку, — они создают свой порядок. Альтернативный. И если мы не остановим их, их порядок станет нормой. А наш незаметно исчезнет. — Он помолчал. — Я не знаю, чей порядок лучше. Но я знаю, за какой я присягал.

Аня кивнула. В его словах была логика. Странная, жёсткая, но логика.

— Я согласна, — сказала она.

— Даже не спросите про зарплату?

— Спрошу потом, когда докажу, что стою её.

Крепков усмехнулся, на этот раз почти тепло.

— Хорошо. Тогда с понедельника оформляетесь. А в пятницу у вас первое задание. Он ходит в бар «Кукуруза» на Петроградской. Будете там в восемь. Я скажу, как одеться.

В лифте, спускаясь вниз, Аня прислонилась к стенке и за-

крыла глаза.

«Что я тут делаю? — думала она. — Я согласилась разрушать жизнь человека, которого даже не знаю. Ради чего? Ради порядка? Ради страны? Или ради того самого «настоящего», которого мне так не хватало?»

Она вспомнила фотографию в папке. Умные глаза, лёгкая улыбка. Обычный человек. Который, возможно, тоже считает себя правым.

— Дура, — прошептала она себе. — Ты дура. Но если не ты, то кто?

Лифт звякнул, открылись двери. Охранник на входе махнул ей рукой.

— Ну что, взяли? — спросил он.

— Взяли, — ответила Аня и вышла на улицу, в серый питерский вечер.

Над городом нависали тяжёлые облака, пахло дождём и пылью. Где-то далеко загудел теплоход, и этот звук показался Ане прощальным.

«Прощай, прежняя жизнь, — подумала она. — Здравствуй, новая. Какая бы ты ни была».

Глава 2. Бар "Кукуруза"

Пятница наступила быстро. Слишком быстро, как всегда бывает, когда ждёшь чего-то страшного и неизбежного.

Аня перемерила три платья, прежде чем остановиться на простом чёрном, немного строгом, но облегающем. «Не вызывающе, но заметно», как велел Крепков. Волосы распустила, макияжа минимум. Туфли на невысоком каблуке, чтобы можно было быстро бежать, если что. Хотя от чего бежать, она пока не представляла.

В метро она листала досье на Виктора в телефоне, хотя знала его уже почти наизусть. Сорок восемь лет, разведён, детей нет. Бизнес — сеть ресторанов, успешная, без долгов и скандалов. Увлекается яхтингом, джазом, философией. Посещает лекции в университете, купил несколько картин современных художников. Благотворительность — помогает детским домам.

«Слишком чистый, — подумала Аня в сотый раз. — Идеальный портрет. Таких не бывает. Значит, либо он гений конспирации, либо... либо Крепков что-то недоговаривает».

На выходе из метро она увидела, как двое полицейских остановили молодого парня-неформала, то ли панка, то ли рокера. Проходя мимо, она услышала, как они предъявляли ему за «необычный» образ, насмехались, порицали. И она тоже думала точно так же, как те полицейские, искренне счи-

тая, что мир уже давно катится куда-то не туда.

«Этой стране срочно необходим порядок, иначе мы сами себя сожрём», — вспомнила недавнюю лекцию диктора из вечерних новостей.

Бар «Кукуруза» оказался совсем не тем местом, которое она ожидала. Никакой пошлости, никаких красных фонарей и стриптизёрш. Обычный питерский бар на первом этаже старого дома: кирпичные стены, деревянные столы, живая музыка по пятницам. Сегодня играл джаз-банд — труба, контрабас, рояль. Пахло кофе, свежей выпечкой и лёгким табачным дымом.

Аня выбрала столик у окна, заказала американо и стала ждать.

«Что я ему скажу? — думала она. — Привет, я агент под прикрытием, можно с вами познакомиться? Идиотка. Просто будь собой. Ты умная, симпатичная, одинокая. Этого достаточно».

Виктор появился без четверти девять.

Она узнала его сразу, и подумала, что с фотографий он был симпатичнее. Высокий, широкоплечий, с лёгкой седinou на висках и умными, внимательными глазами. Одет просто: тёмно-синий пиджак, джинсы, рубашка без галстука. В руке держал портфель из мягкой кожи, в котором, судя по всему, лежал ноутбук.

Он прошёл к стойке, поздоровался с барменом (здесь его знали), заказал виски. Потом обвёл взглядом зал и... оста-

новился на ней.

Аня отвела глаза, сделала вид, что читает что-то в телефоне. Сердце колотилось как сумасшедшее.

«Спокойно, — приказала она себе. — Ты просто девушка в баре. Он просто мужчина. Ничего особенного».

— Извините, — услышала она над ухом. — Мы не знакомы?

Она подняла глаза. Виктор стоял рядом, держа в руке стакан с виски.

— Вряд ли, — ответила Аня, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я здесь первый раз.

— Можно присесть? — он указал на свободный стул напротив. — Обещаю не надоедать. Просто скучно одному.

«Скучно одному, — подумала Аня. — Типичный пикап. Сейчас начнёт рассказывать, какой он несчастный и одинокий».

— Садитесь, — разрешила она. — Но предупреждаю: я плохой собеседник, когда пью кофе.

— А вы пьёте кофе, — заметил он, садясь. — В баре, вечером, в пятницу.

— А что, надо пить что-то другое?

— Надо пить то, что хочется, — улыбнулся он. — Я Виктор.

— Аня.

Он протянул руку, и она пожала её. Ладонь тёплая, сухая, уверенная. Без лишней настойчивости.

— Так чем занимаетесь, Аня, что в пятницу вечером пьёте кофе в баре в одиночестве?

— Ищу работу, — честно ответила она. Это была часть легенды. Безработная филолог в поисках себя.

— Ищете работу? — он поднял бровь. — Странно. Такая девушка, и без работы.

— Такая девушка — это какая?

— Умная. Судя по тому, как вы отвечаете, — он улыбнулся. — И красивая. Обычно таких разбирают сразу.

— «Разбирают»? — Аня усмехнулась. — Звучит как товар на рынке.

— Извините, неудачное выражение. Берут на работу, конечно. — Он помолчал. — Хотя, признаюсь, я бы вас тоже... взял.

Она посмотрела на него внимательно. В его голосе не было пошлости, только лёгкая, чуть грустная ирония.

— Вы всегда так быстро переходите к делу? — спросила она.

— Нет. Только когда чувствую, что терять нечего. — Он допил виски, поставил стакан на стол. — А вы? Часто знакомитесь в барах?

— Никогда, — призналась Аня. — Первый раз.

— Тогда мне повезло, — он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое... тёплое, настоящее, что Аня на секунду забыла, зачем она здесь.

«Чёрт, — подумала она. — Только не это. Он объект. Он

враг. Он...»

— А вы верите в любовь? — вдруг спросил Виктор.

— Что? — опешила Аня.

— В любовь. Верите?

— Странный вопрос для первого знакомства.

— Может быть. Но я всю жизнь ищу ответ. И чем старше становлюсь, тем меньше понимаю.

— И что вы нашли?

Он задумался, глядя куда-то в сторону сцены, где джаз-банд играл что-то медленное.

— Я нашёл, что любовь — это вовсе не то, что показывают в кино. Не розочки-сердечки, не «жили долго и счастливо». Это... работа. Ежедневная, тяжёлая. И непонятно, зачем она нужна, если в конце всё равно умрёшь.

— Философ, — усмехнулась Аня.

— Реалист, — поправил он. — Философы придумывают теории. Реалисты смотрят на жизнь и пытаются в ней выжить.

— И вы выживаете?

— Пока да. Но иногда хочется не выживать, а непосредственно жить. — Он посмотрел на неё. — А вы?

Аня задумалась. Она не ожидала такого разговора. Думала, будет светская беседа, флирт, может, пошлые намёки. А тут какая-то любовь, смерть, смысл жизни.

«Слишком глубоко для первого раза, — подумала она. — Но, чёрт возьми, интересно».

— Я тоже не знаю, что такое любовь, — честно сказала она. — Но я знаю, что без неё в жизни пусто.

— Пусто? — переспросил Виктор.

— Да. Как будто живёшь, работаешь, что-то делаешь, а внутри сплошной вакуум. И никакие книги, никакие фильмы, никакой секс его не заполняют.

Он посмотрел на неё долгим, внимательным взглядом.

— Вы опасная женщина, Аня.

— Почему?

— Потому что говорите правду. В мире, где все врут, это опасно.

— А вы? Вы врёте?

— Всем, — усмехнулся он. — Кроме себя. И иногда кроме тех, кто тоже говорит правду.

Они проговорили до закрытия. О музыке, о книгах (он читал того же автора, что и она — какой-то малоизвестный философ), о путешествиях, о Питере. Ни слова о работе, о свингерах, о подозрительных знакомствах. Виктор оказался умным, начитанным, ироничным собеседником, с которым время летело незаметно.

Когда бар закрылся, он предложил проводить её до метро.

— Не боитесь? — спросила Аня, когда они вышли на пустынную улицу. — Провожать незнакомую девушку ночью?

— Боюсь, — серьёзно ответил он. — Но если я сейчас уйду, то буду жалеть всю жизнь.

— Драматизируете.

— Привычка.

Они шли по Петроградской, мимо спящих домов и редких фонарей. Ночь была тёплой, почти летней, пахло пылью и цветущими липами. Изредка проезжали машины, шурша шинами по асфальту.

— Можно задать личный вопрос? — спросил Виктор.

— Можно.

— Почему вы одна в баре в пятницу вечером? Такая девушка...

— Не начинайте, — перебила Аня. — Про «такую девушку» я уже слышала.

— Извините. Просто интересно.

Она задумалась. Легенда легендой, но врать про это было почему-то трудно.

— Устала от отношений, — сказала она почти правду. — От попыток быть удобной. От «ты должна». От «а что подумают люди». Захотелось побыть одной.

— О, понимаю вас, — кивнул Виктор. — И как? Получается?

— Пока да. Но сегодня...

— Что сегодня?

— Сегодня я рада, что не одна, — сказала Аня и тут же пожалела. Слишком откровенно.

Виктор остановился, взял её за руку. Просто взял без всякого намёка, без попытки притянуть к себе.

— Аня, я не знаю, что будет завтра. Но сегодня... сегодня

мне тоже хорошо. По-настоящему.

Она посмотрела на него. В темноте его глаза казались чёрными, но в них горел свет. Тёплый, человеческий свет.

— Мне пора, — прошептала она, высвобождая руку. — Метро закрывается.

— Да, конечно, — он не удерживал. — До встречи?

— Не знаю, — честно ответила Аня. — Жизнь — сложная штука.

— Я в «Кукурузе» каждую пятницу, — улыбнулся он. — Если надумаете.

Она кивнула и быстро пошла к метро, чувствуя его взгляд спиной.

В подземке, спускаясь по эскалатору, Аня прислонилась к поручню и закрыла глаза. Руки дрожали, сердце колотилось, в голове был полный хаос.

«Что это было? — думала она. — Почему я сказала про правду? Почему я не могла просто отшутиться? Почему мне так хорошо с ним?»

Она вспомнила его глаза, его улыбку, его тёплую ладонь.

«Он враг, — напомнила она себе. — Он организатор разврата. Он разрушает общество. Он...»

Она открыла глаза и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле вагона.

«А если нет? — спросила она себя. — Если он просто живёт так, как хочет? Если Крепков ошибается? Или врёт? Если честного человека оклеветали?»

Поезд нёсся в темноте, за окнами мелькали огни станций. Аня смотрела в одну точку и пыталась понять, где кончается задание и начинается она сама.

И не находила ответа.

Глава 3. Отчёт и сомнения

В понедельник утром Аня сидела в кабинете Крепкова и чувствовала себя так, будто её выворачивают наизнанку.

Полковник читал её отчёт — сухой, оперативный, выверенный. Без эмоций, без лишних деталей. Только факты: познакомились, проговорили три часа, проводил до метро, контактов не предлагал.

— Хорошо, — наконец сказал Крепков, откладывая бумаги. — Чисто, профессионально. Впечатления?

— Умный, — ответила Аня. — Осторожный. Не лезет, не давит. Проявляет интерес, но не навязывается. Подозрений, что знает о слежке, нет.

— А личное впечатление?

Аня замаялась.

— Личное?

— Да, личное. Вы с ним три часа разговаривали. Вы что-то почувствовали? Симпатию? Антипатию? Страх?

Она посмотрела на Крепкова. Он смотрел на неё в упор, без улыбки, без намёка.

— Не знаю, — честно сказала она. — Он... другой. Не похож на того, кого я ожидала увидеть.

— А кого вы ожидали?

— Маньяка. Изнасилвателя. Морального уроды. — Аня пожала плечами. — А он просто... человек.

Крепков усмехнулся. Усмешка вышла горькой.

— Анна Сергеевна, запомните одну вещь. Самые страшные злодеи — это всегда просто люди. Они пьют кофе по утрам, любят своих детей, слушают музыку. И при этом творят такие вещи, от которых волосы дыбом встают.

— Вы думаете, он творит ужасные вещи?

— Я думаю, он создаёт систему, которая разрушает традиционные ценности. А это, между прочим, статья.

Аня молчала. Она хотела спросить: «А вы сами-то в это верите? Или просто работу делаете?» Но не спросила. Побоялась ответа.

— Что дальше? — спросила она.

— Дальше-дальше... Дальше ждите. Он позвонит. Или пригласит. Такие, как он, не бросают начатое. — Крепков встал, подошёл к окну. — Когда пригласит — соглашайтесь. На всё. Поняли?

— На всё?

— На всё, Анна Сергеевна. В рамках личной безопасности, конечно. Но если нужно будет... — он сделал паузу, — если нужно будет переспать, то переспите. Мы не в школе. Все люди взрослые, и ради результата все тут чем-то жертвуем.

Аня почувствовала, как краснеет.

— Я поняла вас, — сказала она сухо.

— Я не шучу, — обернулся Крепков. — Они проверяют новеньких. Особенно женщин. Особенно красивых. Если вы

откажетесь, вас просто не примут. А если не примут, то мы не получим информацию.

— Я поняла, — повторила Аня.

— Свободны, — кивнул Крепков. — И... Анна Сергеевна?

— Да?

— Берегите себя. Вы мне нравитесь. Не как женщина, как боец. Не хочу терять хороших людей.

Аня кивнула и вышла.

В коридоре она прислонилась к стене и закрыла глаза.

«Переспать, — думала она. — Он сказал — переспать. Как будто это просто. Как будто это ничего не значит».

Она вспомнила глаза Виктора, его улыбку, его тёплую ладонь.

«А если я сама захочу? — спросила она себя. — Если мне это будет не в тягость, а в радость? Что тогда?»

Она открыла глаза и пошла к лифту.

На улице моросил дождь. Аня раскрыла зонт и побрела к метро, чувствуя, как внутри разгорается пожар, который она не могла потушить.

«Я патриотка, — думала она. — Я люблю свою страну. Я хочу, чтобы в ней был порядок. Но почему порядок требует таких жертв? Почему я должна ломать жизнь человеку, который мне нравится?»

Она остановилась посреди тротуара, пропуская спешащих прохожих.

«Может, я ошибаюсь? Может, он действительно злодей? Или... или это я злодейка?»

Ответа не было.

Был только серый питерский дождь, мокрый асфальт и тяжёлое чувство внутри, которое не проходило.

Глава 4. Загородный дом

Крепков оказался прав. Виктор действительно позвонил, при чём не один раз. Сначала спрашивался как у неё дела, чем занимается. Потом говорил, что постоянно думает о ней, что она никак не выходит у него из головы. В конце концов позвал на свидание.

Суббота началась с того, что Аня перемерила половину гардероба и в отчаянии усталилась на груди тряпья на кровати.

— Твою ж дивизию, — прошептала она, глядя на себя в зеркало в очередном платье — ярко-красном, с глубоким декольте. — В этом я похожа на проститутку.

Она стянула платье, бросила его в общую кучу и села на пол, обхватив голову руками.

Зазвонил телефон. Крепков.

— Готовы? — без приветствия спросил он.

— Нет, — честно ответила Аня. — Я не знаю, что надеть.

В трубке повисла пауза. Потом Крепков хмыкнул. Кажется, впервые за всё время знакомства он был близок к смеху.

— Анна Сергеевна, вы готовитесь к светскому рауту или к внедрению?

— К внедрению, которое выглядит как светский раут.

— Тогда оденьтесь так, как оделись бы на свидание с мужчиной, который вам нравится. Не вульгарно, но сексуально.

Никаких вызывающих декольте — это признак неуверенности. Дорогой минимализм — вот ваш стиль.

— У меня нет дорогого минимализма. У меня есть зарплата редактора.

— Чёрт, — Крепков снова замолчал. — Ладно. Через час вам привезут. Адрес не меняйте. И, Анна Сергеевна...

— Да?

— Дышите глубже. Вы справитесь.

Связь прервалась.

Ровно через час курьер привёз коробку. Внутри находилось чёрное платье-футляр из плотного шёлка, туфли-лодочки на среднем каблуке и клатч. Никаких бирок — явно не из масс-маркета.

«Оперативные запасы? — подумала Аня, примеряя платье. — Или личный гардероб чьей-то жены?»

Платье село идеально, будто шили на неё. В зеркале отражалась другая женщина, уверенная, дорогая, чуть холодная. Аня чуть приспустила волосы, добавила минимум макияжа и осталась довольна.

«В таком платье и умирать не страшно, — подумала она. — Главное, чтобы не пришлось».

Тем временем по телевизору разгорался спор между ведущим ток-шоу и каким-то известным профессором. Спорили, как водится, о традиционных ценностях. В последнее время только о них и говорят.

— Так вы полагаете, что голубые и лесбиянки — это вовсе

не болезнь? Осторожно, профессор, такие рассуждения до добра не доводят.

— Я ориентируюсь строго с точки зрения биологии. Ведь все мы твари божьи, и в каждом из нас заложен особый код, формирующий нас как личности. Вот и в них заложен такой же код. И от него никак не избавиться. Вот вас же, например, нельзя перепрограммировать иначе, так? Вы как были гетеросексуалом, так им и останетесь. Верно?

— Считаете, быть голубым — это нормально? Сама природа так распорядилась?

— Ну, либо это сбой, либо что-то ещё. В любом случае, бороться с этим бесполезно.

— А вот я так не думаю. И большая часть учёных в нашей стране так не думают. И вообще, какого чёрта мы обсуждаем то, что и так понятно. Профессор, вы нас за идиотов принимаете?

— Вовсе нет. Я...

— Хватит! Довольно уже. Я вас достаточно слушал, чтобы понять, что никакой вы не учёный. Вашей квалификации хватит лишь на то, чтобы преподавать в какой-нибудь польской или финской хабзе. О да, там вас будут слушать с особым вниманием. Там таких любят. Там вы сойдёте за своего.

— Что вы такое несёте?

— Охрана! Выведете «профессора» из моей студии.

Виктор заехал за ней ровно в три.

Машина была дорогой, но не вызывающей. Это был тём-

но-синий «Мерседес». Внутри кожаный салон, запах хорошего парфюма. Он вышел открыть ей дверь, и это было так старомодно и трогательно, что Аня чуть не забыла, зачем она здесь.

— Вы потрясающе выглядите, — сказал он просто, без тени лести. — Правда.

— Спасибо, — ответила она. — Вы тоже ничего.

Он усмехнулся, сел за руль, и машина плавно выехала со двора.

За городом было хорошо. Солнце пробивалось сквозь облака, пахло свежестью, и Аня вдруг поймала себя на мысли, что не отдыхала так давно, что забыла, как это бывает. Работа, съёмная квартира, вечные отчёты, бессонные ночи...

— О чём задумались? — спросил Виктор, не глядя на неё.

— О том, как давно я не была за городом, — честно ответила она. — Всё работа, работа.

— А кем вы работаете, если не секрет? Или вы всё ещё ищете?

— Ищу, — соврала Аня. — Но вообще я филолог. Правила чужие тексты.

— Интересная работа. Чужие тексты, как чужие судьбы. Смотришь, правишь, а внутрь не лезешь.

— Вы снова философствуете, — улыбнулась она.

— Привычка. Бизнесмены вообще любят философию. Наверное, потому что в бизнесе слишком много грязи, и хочется чистых мыслей.

— А в вашем бизнесе много грязи?

— Как и везде, — уклончиво ответил он. — Рестораны — это люди. А люди — это грязь, если копнуть. Но я стараюсь не копать. Просто делаю своё дело.

Они свернули с шоссе на узкую дорогу, обсаженную старыми липами, и через пару минут подъехали к воротам. Виктор нажал кнопку на пульте, и ворота бесшумно открылись.

Дом оказался огромным. Трёхэтажный особняк из светлого камня с панорамными окнами, террасой и видом на озеро. Вокруг красовался ухоженный сад, шезлонги, мангальная зона. У входа уже стояло несколько машин, и не дешевле, чем у Виктора.

— Красиво, — сказала Аня, выходя из машины.

— Да, — согласился он. — Только пустовато, когда один. Поэтому мы собираемся компаниями.

— Мы — это кто?

— Друзья, — он посмотрел на неё с лёгкой улыбкой. — Хорошие друзья. Не бойтесь, вас никто не укусит.

— Я и не боюсь, — соврала Аня.

Внутри дом оказался ещё красивее: высокие потолки, деревянные балки, камин, мягкая мебель, на стенах старинные картины, явно оригиналы. Пахло деревом, кофе и чем-то сладким, то ли выпечкой, то ли духами.

Из гостиной доносились голоса и смех.

— Проходите, — Виктор взял её за руку. — Знакомьтесь. В гостиной было человек десять. Все разного возраста, от

тридцати до пятидесяти, все хорошо одетые, ухоженные, с дорогими часами и спокойными лицами. Никакого намёка на оргию, никаких полуголых тел. Это была обычная вечеринка интеллигентных людей.

— Ребята, это Аня, — представил её Виктор. — Аня, это мои друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.